

УДК 882(929)

**ГЁТЕ ГЛАЗАМИ ВЯЧ. ИВАНОВА:
К ПРОБЛЕМЕ ДИАЛОГА ТВОРЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ
Ф.И. ТЮТЧЕВА С ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ**

А.М. Саянова

Аннотация

Рассмотрена статья Вяч. Иванова «Гёте на рубеже двух столетий», в которой даётся герменевтическое осмысление резонансных явлений между творческим сознанием художника так называемого Нового времени (Гёте) и архаичным сознанием средневекового Востока, что обнаруживает принципиально новый подход к «заветам Эллады». Вяч. Иванов на примере творчества Гёте говорит о новом типе мировоззрения, «новых формах коллективного сознания», характерных для всего модернизма. Статья Вяч. Иванова имеет методологическое значение в решении проблемы диалога творческого сознания Тютчева с Западом и Востоком.

Ключевые слова: герменевтическое осмысление, резонансные явления, диалог творческих сознаний, авангардное сознание, архаичное сознание, субъект-объектная неразделённость.

Большой интерес в плане выявления генезиса диалога творческого сознания Ф.И. Тютчева с Западом и Востоком представляет осмысление Вяч. Ивановым творчества Гёте. Его работа «Гёте на рубеже двух столетий» является герменевтическим взглядом на творческий путь писателя. Определяя его как «реалистический символизм», основным критерием которого, по Вяч. Иванову, является движение от видимой реальности предмета к внутренней и более «сокровенной реальности», теоретик символизма показал движение творческого сознания Гёте к сакральной реальности, в чём он видит черты нового искусства, ещё не проявившиеся в XVIII веке, черты символизма. Это движение к «сокровенной реальности» началось, как считает символист, с обращения Гёте к античности, что становится «не только углублением и очищением вкусов восемнадцатого века, постоянно носившегося с традиционными формами классической древности, но, по динамической своей закваске, стремлением преодолеть век, выйти из его ограниченности и положить начало иному соприкосновению с заветами Эллады, чем то, каким довольствовалась эпоха» [1, с. 243].

Это «соприкосновение с заветами Эллады» и приводит Гёте к поиску «живой воды» у древних, что в некотором смысле, как считает Вяч. Иванов, аналогично призыву Руссо – обратиться к природе. Поиск «живой воды» у древних, начавшийся с обращения к античности, приводит Гёте к восточной поэзии, в частности к Хафизу, что демонстрирует принципиально новый подход к «заветам Эллады». В этом смысле работа Вяч. Иванова и на сегодняшний день остаётся одной

из немногих, в которой прослеживаются очевидные связи античной литературы периода эллинизма с Востоком.

Формирование творческого сознания Гёте Вяч. Иванов объясняет через учение Шиллера о двух типах поэта: «сентиментальный поэт» и «наивный поэт». По Шиллеру, «сентиментальный поэт (не поэт сентиментализма) – тот, в чьём изображении воспринимаемый объект и воспринимающий субъект разделены, причём центр тяжести лежит на субъекте; так, изображая природу, сентиментальный поэт изображает её не для неё самой, а для того, чтобы высказать себя: он показывает взаимоотношение между жизнью природы и жизнью личности, переработку впечатлений от природы личностью, или ищет в природе символики своих личных состояний. Наивный же поэт как бы теряет всякое субъективное содержание, любясь на объект, ища передать его жизнь, а не свою, в него перевоплощаясь; здесь, следовательно, субъект отождествляется с объектом, не ощущает своей разделённости с ним и в этом отождествлении от себя отрекается, чтобы наполниться одним объектом или как бы растворять в нём своё сознание» [1, с. 253]. По словам Гёте, выражающим общее впечатление от изучения древнего искусства в Италии, «эллины следовали тем же законам, по каким творит природа» и которые он, Гёте, уже наследует [1, с. 243].

По определению Шиллера, Гёте – «наивный поэт» и как таковой проходит весь путь развития в толковании человечеством понятия «природа». Обращение Гёте к средневековому мистицизму, результатом которого является «Западно-восточный диван», – есть путь «наивного поэта», который понимает человека как микрокосм. А.В. Смирнов, сравнивая мистицизм Ибн Араби (восточный мистицизм) с мистицизмом Кузанского (западный мистицизм), пишет о том, что «философия Ибн Араби доводит средневековое понимание человека как микрокосма до абсолютного: мироздание оказывается не вне, а полностью внутри человека, он становится всесубъектом» [2, с. 131]. Следовательно, переставший быть микрокосмом человек мог быть противопоставлен миру, а субъект и объект могли стать независимыми друг от друга.

Мистическое мирозерцание, «проникнутое чувством нежности и неизречаемой божественной тайны», Гёте и находит в «наивной лирике», разработанной суфийской поэзией. По словам Вяч. Иванова, в «“Диване”, дивной книге лирики, которую волшебю зажгло уже закатное солнце этой многострунной жизни, Гёте перемежает описательные и эротические песни в восточном духе с мистическими стихами по образцу персидских поэтов, Гафиза или суфитов» [1, с. 256].

Вяч. Иванов на примере творчества Гёте, осмысленного «на рубеже двух столетий», по существу, говорит о новом типе мировоззрения, новом типе коммуникации, смысл которого в осознании «новых форм коллективного сознания», характерных для всего модернизма, который и создаёт некую форму целостного восприятия единства мира.

Творчество Гёте, рассмотренное с позиций эстетического учения Шиллера, по мнению Вяч. Иванова, даёт основание говорить об имеющемся общем между авангардным сознанием и сознанием архаичным. Художественный авангард пытается реконструировать ту полноту и многогранность связей и контактов с универсумом, которые когда-то были естественными для человека.

Если рассматривать проблему генезиса диалога творческого сознания Тютчева с Западом и Востоком в свете сказанного выше, представляется интересным обращение к стихотворению Тютчева «Песнь радости» (перевод из Шиллера), что даст нам возможность обнаружить связь между творческим сознанием Тютчева и сознанием архаичным в форме «наивной поэзии» Шиллера, в которой фольклорные традиции европейской литературы переплетаются с поэзией трубадуров.

Известно, что строфы оды Шиллера «К радости» сложились незадолго до буржуазно-демократической революции в Европе и предвосхищали её романтический пафос. За ними для позднейших поколений стоит Девятая симфония Бетховена. Оба они, Шиллер и Бетховен, проповедуют великую общность людей как единство мира, из которого должна родиться земная радость.

Тютчеву в оде Шиллера дорога идея союза матери-земли с человеком. Архаичный культ матери-земли, характерный для европейской «наивной поэзии», даёт чувство жизни, чувство земного счастья:

У груди благой природы
Всё, что дышит, Радость пьёт!
Все созданья, все народы
За собой она влечёт...¹

Шиллер, как и Гердер, который не только обогатил немецкую литературу, ознакомив её с великими творениями других народов, но и сделал возможным мышление любой литературы в генетических и традиционных взаимоотношениях с другими литературами, провозглашает единство «всех созданий, всех народов», мотивированное земным ощущением – Радостью. Радость – «плод «благой природы», в ней – ощущение полноты бытия, гармонии Целого.

Тютчев, вслед за Шиллером, поёт гимн Радости, целостному восприятию «всеблагова» чувства:

Радость грозды наливает,
Радость кубки пламенит,
Сердце дикого смягчает,
Грудь отчаянья живит!
В искрах к небу брызжет пена,
Сердце чувствует полней;
Други, братья, – на колена!
Всеблагодару кубок сей!

А дальше идут строки, которые характеризуют мир людей как всеобщую гармонию, как единое Целое, строки, оказавшие огромное влияние на формирование взглядов на общество у художников с романтическим типом мышления, в частности у Ф.М. Достоевского. Так, смысл идеологии князя Мышкина (роман «Идиот») сводится к шиллеровско-тютчевским определениям:

Слабым – братскую услугу,
Добрым – братскую любовь,
Верность клятв – врагу и другу,
Долгу в дань – всю сердца кровь!

¹ Здесь и далее отрывки из стихотворений приводятся по источнику (Тютч.).

Проповедуемая Шиллером великая общность людей, из которой должна родиться земная радость, близка Дмитрию Карамазову (роман «Братья Карамазовы»), который цитирует оду Шиллера «К радости». Тема радости, гармонии жизни – изначальная тема романа Ф.М. Достоевского.

Земная радость в духе Шиллера воспевается Тютчевым в стихотворении «Нет, моего к тебе пристрастья...»:

Нет, моего к тебе пристрастья
Я скрыть не в силах, мать-Земля!..
Духов бесплотных сладострастья,
Твой верный сын, не жажду я,
Что пред тобой утеха рая,
Пора любви, пора весны,
Цветущее блаженство мая,
Румяный свет, златые сны?..

Чтобы подойти к главной мысли данной статьи, необходимо также обратиться к некоторым положениям из области сравнительного изучения литературных явлений, разработанным В.М. Жирмунским. Российский компаративист, представляя средневековые литературы как предмет сравнительного литературоведения, подходит к осмыслению литературных процессов Средневековья в рамках Целого – единого мирового литературного процесса. По Жирмунскому, международные литературные взаимодействия Средневековья характеризуются жанрами, которые являются «выражением не индивидуально-своеобразного, а социально-типического мировоззрения и стиля», причём каждый из жанров иллюстрирует «особый тип международных литературных взаимодействий» [3, с. 162]. К примеру, как о типе литературных взаимодействий он говорит о куртуазной любовной лирике трубадуров; более сложной, по мнению учёного, представляется проблема взаимоотношения между провансальской рыцарской поэзией любовного содержания и более ранней по времени своего происхождения классической арабской лирикой [3, с. 165].

Господство типического над индивидуальным как основная черта, характеризующая жанры, позволяет воспринимать многое из средневековых литератур (темы, сюжеты, образы) как универсальные литературные единицы, которые, как показывает история, нашли своё выражение в литературных направлениях XIX – XX веков. Так, Вяч. Иванов, обратившись к творчеству Гёте, обнаружил резонансные явления между литературой средневековой (архаичной) и литературой Нового времени, что является свидетельством стремления художественного авангарда выработать новый тип мышления, при котором возможно восприятие мирового литературного процесса как Целого, одним из принципов которого является «сосуществование структур разного возраста в одном темпомире» (М.А. Дрюк).

Таким образом, Вяч. Иванов в Гёте видит формирование «собирательного мозга» – «коллективного центра сознания» [4, с. 258]. Теоретик символизма в творчестве Гёте отмечает обращение к восточной традиции с её специальным понятием «мистическая причастность», которое приближает к снятию противоречий между объектом и субъектом, между общим и частным, между макрокосмом и микрокосмом. Именно «мистическая причастность», по мнению Фааса,

является основным условием коммуникации. На Востоке, рассуждает он, человеческая субъективность понимается как некая разлитая в космосе духовность, тождественная с сущностью мира (см. [5, с. 72]). О том, что культ разума, заложенный в европейской традиции, привёл к тому, что эта слитность оказалась утраченной, ибо бессознательное, которое осуществляло функцию единения, связи с космосом, всё время подавлялось, пишет и К. Юнг: «На столбовых дорогах мира всё кажется запущенным и опустошённым. Поэтому, наверное, ищущий инстинкт покидает тропу и ищет то, что лежит в стороне, подобно тому как античный человек избавился от своего олимпийского мира богов и открыл для себя таинство Передней Азии» [6, с. 314].

Вяч. Иванов на примере творчества Гёте постигает «иные соприкосновения с заветами Эллады», через которые раскрываются «таинства» Востока. Следование эллинов тем же законам, по каким творит природа, и привело Гёте в поиске «живой воды», по мнению Вяч. Иванова, к античной литературе.

У Тютчева периода увлечения европейской поэзией есть целый ряд стихотворений, в которых выписана картина мира как Целое, определяющееся романтическим чувством, созвучным чувствам Гёте, Гейне, которые сформировали новую художественную культуру, многому учась у народной песни. Кроме названного выше можно упомянуть стихотворения «Весенняя гроза», «Летний вечер», «Весенние воды», «Листья» и другие. В них – выражение переживания сокровенного, полноты Бытия, сопричастности Целому. В лирике Тютчева, как и в лирике Фета, происходит переосмысление художественного принципа метафоры, формируется новое осмысление системы тропов, основанное не на механизме причинно-следственных отношений, а на восприятии мира как со-переживания в неразделённости субъекта-объекта. Новый язык тропов и передаёт те таинственные соответствия в воспринимаемом Целом.

Об этой неразделённости субъекта-объекта в восприятии Тютчевым мира писал ещё Вл. Соловьёв: «Преимущество Тютчева перед многими... состоит в том, что он вполне и сознательно верил в то, что чувствовал, – осязаемую им живую красоту принимал и понимал не как свою фантазию, а как истину» [7, с. 106]. Подтекст сказанного далее говорит не только о том, что Тютчев продолжает начатое Шиллером, но и о том, что в лирике русского поэта очевидна уходящая корнями в эпоху синкретизма субъект-объектная неразделённость в восприятии мира, утвердившаяся как восточный тип художественного мышления, который и подводил к «иным соприкосновениям с заветами Эллады». Комментируя «веру поэта в то, что он чувствовал», критик пишет: «Эта вера и это понимание стали редки в новое время, – мы не находим их даже, например, у такого сильного поэта и тонкого мыслителя, как Шиллер. В своём знаменитом стихотворении «Боги Греции» он предполагает, что природа только была жива и прекрасна в воображении древних, а на самом деле она лишь мёртвая машина. Смерть эллинской мифологии была для Шиллера смертью самой природы; вместе с прекрасными богами Греции исчезла и душа мира. <...> Тютчев не верил в эту смерть природы, и её красота не была для него пустым звуком. Ему не приходилось искать душу мира и безответно приветствовать отсутствующую: она сама сходилась с ним и в блеске молодой весны, и в “светлости

осенних вечеров”]; в сверканье пламенных зарниц и в шуме ночного моря она сама намекала ему на свои роковые тайны» [7, с. 106–107].

Совершенно отчётливым примером из творчества Тютчева, демонстрирующим эту субъект-объектную неразделённость, формирующую новый тип образного мышления, является стихотворение «Тени сизые смешались...». Время «часа тоски невыразимой» открывает лирическому субъекту сущее в Целом, смысл которого выражен сентенцией «Всё во мне, и я во всём!..»:

Тени сизые смешались,
Цвет поблекнул, звук уснул –
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул...
Мотылька полёт незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой!..
Всё во мне, и я во всём!..

Художественная картина мира Тютчева говорит о созвучии образного мышления поэта мироощущению средневекового восточного поэта, объясняемому идеалистической философией: путь познания мира представляет процесс со-переживания в неразделённости субъекта-объекта, исключая метод анализа и синтеза (философия Ибн Араби, Дао).

Восточный тип мышления свидетельствует о восприятии природы не объектом, а субъектом, определяющим такое художественное видение мира, когда картина мира как Целое интуитивно открывается тому, кто становится един с миром, приходит с ним в абсолютное созвучие, благодаря чему и открывается суть этого Целого, та потаённая красота, абсолютная, безмерная, которая и есть мир.

А. Шопенгауэр в своей работе «Основные идеи эстетики», рассуждая о том, что такое в искусстве «идея» и «понятие», даёт им определения, перекликающиеся со средневековой философией Востока, в частности Ибн Араби с его интуитивным восприятием мира как Целого. Так, он пишет: «Идея есть единство, посредством временной и пространственной формы нашего интуитивного восприятия распавшееся на множество; напротив того, понятие есть единство, посредством отвлечения нашего разума вновь восстановленное из множества: его можно обозначить как единство “после вещей”, а первую как единство “до вещей”» [8, с. 466]. Ср. у Ибн Араби: «Весь континуум бытия един, самодостаточен и в-самом-себе множествен» (цит. по [2, с. 129]).

Понятие «идея» у Шопенгауэра близко к понятию «интуитивное созерцание» у Ибн Араби. У того и другого конструируется такое философское знание, когда картина мира рисуется не трезвым аналитиком, а вдохновенным художником, сердцем ощущающим своё единство с мирозданием.

Таким образом, «фокусной точкой» интереса Вяч. Иванова к творчеству Гёте является желание подчеркнуть взаимодействия резонансного типа между авангардным сознанием и сознанием архаичным. «Проводником» этого сознания, по мнению Вяч. Иванова, может стать Гёте, творчество которого является свидетельством того, что восточный тип художественного мышления, сохранивший многие свои черты с эпохи синкретизма, продолжает оставаться привлекательным и в Новое время.

Summary

A.M. Sayapova. V. Ivanov about Goethe: The Dialogue of F.I. Tyutchev's Creative Mentality with the West and the East.

The spotlight of the paper is Vyacheslav Ivanov's article "Goethe at the Turn of the Century", which describes the hermeneutic interpretation of the resonance between the creativity of the early modern period artist (Goethe) and the archaic mentality of the Medieval East. Ivanov deals with Goethe's new outlook and "new forms of collective consciousness" peculiar to modernistic literature.

Key words: hermeneutic interpretation, resonance phenomena, dialogue of creative mentalities, avant-garde mentality, archaic mentality, subject-object inseparability.

Источники

Тютч. – *Тютчев Ф.И.* Сочинения: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1984. – Т. 1: Стихотворения. – 496 с.

Литература

1. *Иванов Вяч.И.* Гёте на рубеже двух столетий // Иванов Вяч.И. Родное и вселенское. – М.: Республика, 1994. – С. 236–268.
2. *Смирнов А.В.* Великий шейх суфизма. Опыт парадигмального анализа философии Ибн Араби. – М.: Наука, 1993. – 328 с.
3. *Жирмунский В.М.* Средневековые литературы как предмет сравнительного литературоведения // Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. – Л.: Наука, 1979. – С. 158–173.
4. *Иванов Вяч.И.* Легион и соборность // Иванов Вяч.И. Собр. соч.: в 4 т. – Брюссель, 1979. – Т. 3. – С. 253–261.
5. *Зись А.Я., Стафецкая М.П.* Методологические искания в западном искусствознании: Критический анализ современных герменевтических концепций. – М.: Искусство, 1984. – 238 с.
6. *Юнг К.Г.* Проблемы души нашего времени. – М.: Прогресс – Универс, 1996. – 336 с.
7. *Соловьёв В.С.* Поэзия Ф.И. Тютчева // Соловьёв В.С. Литературная критика. – М.: Современник, 1990. – С. 105–121.
8. *Шопенгауэр А.* Основные идеи эстетики // Шопенгауэр А. Избранные произведения. – М.: Просвещение, 1992. – С. 413–474.

Поступила в редакцию
29.11.11

Саяпова Альбина Мазгаровна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Казанского (Приволжского) федерального университета.